

Александр
Кан

ШЁПОТ

(ПИСЬМО К ДОЧЕРИ)

Пока надо мной простирается небо Ты,
ветры причинности смиряются у ног моих,
и вихрь рока стихает.

Мартин Бубер

ШАНС

Пусть я вызову презрение всех правильных и праведных отцов, существующих в мире, но твердо скажу, что никогда не хотел иметь сына, а только дочь. Почему? Потому что к рождению ребенка представлял собой 26-летнего гуляку, пьяницу, повесу, совершенно неточного в своих обещаниях и поступках молодого человека, которому вдобавок страшно не нравилась профессия инженера, полученная им во время учебы, и который, отчасти поэтому, тихо, втайне от всех писал разнообразные рассказы, очерки и, конечно, стихи. Соответственно, я прекрасно представлял себе, что ничего не смогу дать своему сыну, и по мере его роста и моего старения эта пустота между нами будет только умножаться, а мои опусы, полные поисков смысла жизни, для подрастающего парня, полного растерянности перед этой жизнью, вряд ли окажутся большим подспорьем.

Что нельзя было сказать о дочери. Ведь в любой девочке изначально живет и растет – год за два, а то и за три – мудрая женщина, которая – а я был в этом абсолютно уверен, выросший среди женщин, понимающий их и вообще любящий женщин как субстанцию! – даст мне шанс стать кем-то весомым и значимым, независимо от того, буду ли я жить с ее матерью или нет, ведь вся проблема между мужчиной и женщиной в том и заключается, что она хочет все и сразу, а мужчина развивается постепенно, согласно законам эволюции... Так вот, я был абсолютно уверен, что она, дочь, чистая, мудрая, предоставит мне такой шанс, счастливую возможность, и только спустя годы, десятилетия я смогу достойно предстать перед ее судом. И потому все, что я писал после, эссе, рассказы, повести и романы, я посвящал не только тем, кто меня вдохновлял, но и дорогой, любимой дочери.

Но чтобы посвятить произведение непосредственно ей, такого у меня никогда еще не было. И потому пусть именно это размышление станет первой попыткой, в которой я подведу некий итог своей жизни, чего я добился, а чего нет, постоянно думая о ней, и можно ли вообще говорить в моем случае о победе духа, Духа Творчества, или в конце пути, как писал Фолкнер, нас всегда ждет пусть блистательное, но поражение. Иными словами, я пишу сейчас письмо к дочери, – ты слышишь, Катя? – которое, конечно же, обращено и ко всем, имеющим интерес к моим размышлениям на общечеловеческие темы, я буду писать его как эссе, в свободной форме, иногда обращаясь непосредственно к источнику своего вдохновения.

В ТИСКАХ

Итак, с чего же начать? Начну с детства. С детства и комнаты. Или с комнаты и детства... Короче, так. Сначала была комната в трехкомнатной квартире, в городе Алма-Ате, в которой жили я, мать, бабушка и сестра. Отец наш, иностранный гражданин, остался в Северной Корее, – я, собственно, дитя международного брака, – и тоска по нему пока еще разгоралась, чтобы вспыхнуть неожиданно много после. А пока была моя комната, из которой я выходил во двор, в котором, как во всех дворах мира, дети играли в разные игры, смешные, веселые, добрые или жестокие, злые, безумные, подразумевавшие подавление личности, где одни подчинялись другим, – в такие мы чаще всего и играли, потому что человек, а юный, глядя на взрослых, тем более, склонен, не ведая, легко соскальзывать в сторону зла. Например, грязная канава, по которой мы должны были ползать, изображая из себя черт знает кого, то ли индейцев, то ли партизан, это не важно, а важно то, что она, канава, в моей памяти застряла этаким вечным символом детства, как кость в горле, настолько, что я ее часто в своих последующих рассказах описывал.

Возвращаясь домой, в свою комнату, так сказать, отдышавшись, я шел в школу, в которой тоже – и кто б мог подумать? – царило насилие. Я помню, как орал на нас учителя, как вздувались жилы на их красных шеях, я даже не помню их лица, пол, возраст, а только жилы и шеи, и еще кулаки, которыми они били нас, гневаясь, за невыученный урок по голове и спине. А еще я помню, как нас вызвали в кабинет к директору за какую-то провинность, окно, что ли, разбили, и как директор Байер (видите, даже фамилию помню!) так орал на нас, что один наш приятель, бедолага, прямо при всех и описался.

И после школы я опять шел домой, к себе в комнату. И если представить себе образ моего детства, то это выглядело так. Я стою в своей комнате, между двумя стенами, угрожающе – сюрреалистично! – надвигающимися на меня. С одной стороны – двор, полный агрессии, с другой – школа, полная окриков и кулаков, а я – в тисках, причем абсолютно голый. Почему голый – да потому что это эмблема, означает, что я вдобавок ко всему сотрясаем изнутри упругим желанием, с последующим, весьма пугавшим меня, поведением определенных органов моего тела. Да, была еще одна напасть, которая настигла меня довольно рано, еще в детском садике, помню, как я пленял девочку в углу, во что-то опять же дурацкое играли, к примеру, она коммунистка, я фашист, и я ее как бы мучил, тискал, согласно роли, втайне покрываясь невероятным возбуждением, а она, уже женщина, особо не сопротивляясь, даже хихикала, и я не знал, что дальше с ней делать.

Таким образом, возвращаясь из внешнего мира в комнату, я долго пребывал по инерции в возбуждении и смятении, потом, отдышавшись, приходил в себя и опять начинал тосковать по некоему неведомому неземному миру, в котором царили бы добро, свет и любовь, ласка и нежность, жили бы какие-то иные прекрасные люди, глубоко понимающие тебя и, что важно, сочувствующие тебе. О, где же этот волшебный мир? И где этот волшебный лаз? – непрестанно восклицал я, причем шепотом, чтобы никто меня, сумасшедшего, не услышал. Нигде, издевалась реальность, кругом то, что есть, и не больше, в сущности, упакованная пустота. И вдалеке, краем сознания, проплывала, словно на лодочке, словно уже отбыли, моя семья, то есть родные по крови, не по духу, женщины, не имевшие мужского плеча, беззащитные, ранимые, значит, тоже тосковавшие по-своему, и эта тоска, моя ли, их, на протяжении всего детства, отрочества никак, нигде и никогда меня не оставляла.

ТРЕУГОЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

Но в комнате, в своей светлой чистой тихой комнате, где так сладостно было оставаться наедине с самим собой, со своим чувствами, мыслями и даже надеждами, невозможно было подолгу прятаться. Ибо мир требовал тебя, твоего выхода в общество: детский сад, школа, институт. И когда я оказался в Москве, уже поступив в технический вуз, я впервые всерьез задумался над вопросом, а точнее наиважнейшей проблемой. Как же человек, а молодой тем более, должен двигаться по этому миру? Согласно каким законам или алгоритму? Нет, конечно, понятно, для разрешения этого вопроса существуют разнообразные институции, ты поступаешь в учебное заведение, поселяешься в общежитии, и ежедневный путь твой прост, точнее, траектория: общага – институт – столовая – библиотека – кому это нужно, спортзал, бассейн, но все равно помимо этого у тебя остается очень много свободного времени. И чем его наполнить, и как, куда в свободные часы тебе двигаться?

Но жизнь все решает за тебя, однажды к тебе подходит знакомиться твой соратник или старше, неважно, в любом случае он твой наставник, он знает больше, больше повидал, у него опыт, сила, харизма, вдобавок ему нужен свой подшефный, подопечный, чтобы слушался во всем, в рот глядел, восторгался, в общем у каждого свой интерес, своя любовь, своя выгода. И вот ты уже двигаешься с ним по этому миру, туда, сюда, в кафе, в компании, посещаешь концерты модных рок-групп, едешь по всей Москве и области, знакомишься с его друзьями и подругами, – вот! – ты даже влюбляешься в его подруг как третий, и не всегда лишний. И образуется твоя Треугольная Земля, о которой впоследствии я даже написал роман, с углами Я, Ты и Оно, где Оно – это мир, который вы вместе с ним, своим Ты, постигаете, или ему противостоите.

Уже много после, вспоминая и анализируя эти ситуации, обращаясь за примерами к мировой культуре, а именно литературе, я вывел два варианта существования в этом непреложном, незыблемом для любого человека треугольнике. Первое – это князь Мышкин между Рогожиным и Настасьей Филипповной. Второе – это талантливый мистер Рипли, из знаменитого романа Патриции Хайсмит, между наследником миллионов Дики и его очаровательной девушкой Мардж. Первый, современный Христос, призывает своих любимых и через них все человечество

измениться, стать прекрасными, светлыми, добрыми, без темных страстей, и на этой почве, поскольку объявленное им невозможно, сходит с ума. Второй, просто цинично убив Дики, занимает его место, пытаясь завладеть его богатствами и положением.

Спустя годы, когда я стал старшекурсником, проработав, в желании постичь этот мир, грузчиком, ночным уборщиком в ресторане, официантом, проводником поездов дальнего следования, монтировщиком сцены, могильщиком, я сам стал наставником, ментором, этаким Ты для кого-то. Но в том-то и дело, что чье-то Я мне не было нужно, ибо меня, прошедшего свой «крым и рым», в первую очередь не устраивал этот мир, или Оно. Которое всегда жило по каким-то непотребным законам, где человек человеку волк, и якобы побеждает в земной жизни всегда наглый, хитрый, посредственный, бездарный, но коммуникативный, с этим вечным пресловутым «вань-вань», а добрые, порядочные, умные, тонкие и застенчивые всегда разобщены, одиноки, всегда в своих нишах, кавернах, лакунах, скрыты от глаз, за мутными толщами этих подлых и пошлых горлопанов. Причем такой закон работал и в советские времена – всегда! – просто под покровом положенной идеологии и морали. И зачем мне тогда-то чье-то Ты, думало мое Я, если этот мир, то есть Оно, не находит у меня признания? Или здесь в точности, как у Мартина Бубера, из его знаменитой работы «Я и Ты»:

«Но в том и состоит возвышенная печаль нашей судьбы, что каждое Ты в нашем мире должно становиться Оно. Таким исключительным было присутствие Ты в непосредственном отношении: однако, коль скоро отношение исчерпало себя или стало пронизано средством, Ты становится объектом среди объектов, пусть самым благородным, но одним из них, определенным в границе и мере».

То есть любое твое Ты, как бы ты его ни любил, ни уважал, со временем, с потерей контактов, понимания, духовных и душевных связей для тебя изнашивается, превращается в Оно. И что тогда с этим делать? Ведь не имея своего Ты, предельно отчетливо понимал это я, Ты абсолютного, совершенного, безупречного, судьбоносного, нет смысла жить в этом вечно сиротском мире!

МИР БЕЗ ЗАЗОРОВ

Сегодня, спустя десятилетия, вспоминая те трудные годы своего становления, я в который раз понимаю, что мне повезло. Ведь Бог мне дал способность обратить свои проклятые вопросы в творчество, все свои шепоты и крики – в поток чувств, образов, мыслей, то есть в сочинительство. Вернувшись после первой учебы домой, в Алма-Ату, вновь оказавшись в любимой комнате, помня о волшебном мире, о волшебном лазе, который я так отчаянно в детстве искал, я неожиданно для себя вдруг стал писать стихи, рассказы, эссе. Точнее, Некто мной писал как пером, до сих пор не могу избавиться от этого ощущения! И Творчество становилось моим вечным двигателем, – пожалуйста, вот уже 30 лет движет мной! – моим смыслом, сутью, статьей, содержанием, моим оправданием, моим всем.

Например, поняв его вертикальный смысл, я говорил себе, что каждый день хожу на постылый режимный завод, где отработывал три года как молодой специалист, чтобы материально обеспечить себя, и вечером или на выходные, написать новый рассказ. Или я стал заниматься спортом, физкультурой, ежеутренними пробежками, чтобы после максимально эффективно поработать за письменным столом. Или я

бросил курить по той же причине. Или... еще множество разных «или», движимых желанием писать! А что касается собственно сочинительства, то с его помощью я бросился изменять этот мир, точнее, строить новый, который был для меня уже не Он или Оно, а именно Ты, – о, наконец-то Ты! – ибо это был мой мир, исполненный моей печали и радости, а его герои были моими братьями, сестрами, детьми. И в первую очередь, я хотел построить мир без разлук, без расколов, разладов, без зазоров. Ибо именно эта вечная разделенность и разлученность одиноких людей на земле больше всего меня и поражала, тем более в контексте истории моей семьи, моих соплеменников, всей корейской диаспоры, наконец.

А теперь пора рассказать о моих отчаянных попытках изменить этот мир. Итак, первое. Дружба. В 1991 году я написал рассказ на эту тему «Полуночный конвой»¹, в котором главный герой сержант Ли везет бомжа Голованова в лечебно-трудовой профилакторий, существовали такие в советские времена. Пока он везет его на поезде, они много разговаривают, о любви, о смерти, о страхе, об одиночестве, о прочих важных вещах. К удивлению, Голованов оказывается наиумнейшим, высокообразованным, внутренне свободным человеком, которым одинокий Ли немедленно очаровывается и не знает, что с ним делать. Может, его отпустить?

В последнюю ночь перед приездом Голованов сбегает из купе, Ли идет по всему поезду его искать, находит в тамбуре, где подопечный, выломав из окна кусок стекла, пытается, о, боже, покончить с собой, сделав себе харакири. В этот момент сержанта Ли больше всего оскорбляет не то, что Голованов хочет убить себя, а то, что он ушел без него, ничего ему не сказал, и вообще, если они подружились, не позвал его с собой. Потому как оба они понимают, что никому в этом холодном мире не нужны, хотя как раз и являют собой модель этого мира: конвоир и конвоируемый, а то тепло и свет, зародившиеся между ними, скоро погаснут, когда Ли передаст Голованова в предписанное им заведение.

И вот, увидев такое, Ли без слов пытается вырвать из чужих рук кусок стекла, точнее приставляет его другим острым концом к своей груди, потом глядит тому пристально в глаза, вот, мол, если уходить, дружище, то только вместе. Один рывок навстречу друг другу и все, нет больше меня и тебя, но наша дружба сохранится! Либо, если вырвать осколок из наших рук, мы по-прежнему будем жить в этом мире заброшенными, одинокими, богооставленными людьми. Так что же выбрать? Жизнь или смерть? А точнее, жизнь, которая как ад, или смерть, которая тебя освобождает?

Далее – любовь. Рассказ «Костюмер», написанный в 1993 году. Костюмер Кан обшивает, одевает актеров в театре. Однажды в театр приходит молодая актриса, которая за довольно короткий срок, благодаря своему таланту и красоте, становится примой. Актриса, пока нет жилья, живет прямо в театре, в своей отдельной гримерной. И костюмер, работая допоздна, частенько, приоткрыв дверь, любуется красавицей, ведь он с первого взгляда в нее влюбился. Он так в нее влюблен, что однажды, не выдержав, глубокой ночью, входит к ней в комнату, садится на краешек постели и тихо, практически шепотом, поет ей песню о своей любви, думая, что она спит. А днем, от застенчивости, делает вид, что ее не замечает.

Тем временем слава актрисы растет, поклонники к концу представления вбегают уже на сцену или прямо к ней в гримерку, уносят ее на руках в ресторан или куда-либо еще праздновать. Однажды актриса, не выдерживая этого ужаса, сама

¹ Здесь и далее из книги А. Кана «Обретенный Шаман» (повести, рассказы, эссе). Алматы, 2003.

себе больше не принадлежа, просит Кана спасти ее, ведь она давно знает, что он в нее влюблен. Неужели вам все известно? Смущенный костюмер ведет ее к себе домой, укладывает спать, сам – грозным псом! – охраняет ее сон. Вокруг тишина, только иногда из коридора доносятся тихие гудки, это безумный отец, изображая из себя поезд, все ищет свою жену, – его, костюмера, мать! – которая сбежала от них много лет тому назад. Когда наступает утро, неспавший костюмер понимает, что сейчас она уйдет, и, может, он ее больше никогда не увидит, ибо безумцы ее не отпускают. Тогда он, уже сам от любви безумный, обнимает ее собой, как каким-то новым прекрасным платьем, которое шил для нее все эти месяцы с тех пор, как впервые увидел, обнимает крепко-крепко, не оставляя на ней ни одного непокрытого места, так защищая ее от внешнего мира и, получается, – я так люблю, что убиваю! – от самой себя.

И наконец, семья. Герой Шин, в прошлом знаменитый боксер, получив травму, живет на небольшую спортивную пенсию. С ним мать, он видит, что в последнее время она все чаще, забывшись, разговаривает с кем-то невидимым, в общем, теряется в пространстве и времени, и в тревоге он вызывает сестру из другого города. Сестра приезжает, пытается навести порядок в их доме, которым никто уже давно не занимался, и как-то взбодрить мать. Они даже решают с братом устроить новоселье, День Семьи, которая собственно у них разрушилась с уходом отца, много лет тому назад. С тех пор мать и стала необратимо меняться. Праздник в разгаре, кажется, все довольны, брат и сестра вспоминают детство, мать их слушает, даже улыбается, потом, ссылаясь на усталость, уходит спать. А брат и сестра продолжают вспоминать, веселятся, танцуют даже, полные уверенности, что все у них переменится в лучшую сторону. Сама сестра тоже в неудачном браке, но она еще так молода! Она еще встретит своего человека! И ты, Шин! Не правда ли? И все будет у нас хорошо!

Потом, когда и она засыпает, Шин идет по квартире и обнаруживает, что – ужас! какой безмерный ужас! – мать таки ушла от них, подвесив себя к крюку, на котором раньше висела его боксерская груша. Боже! Что это за дьявольский знак, странный фрукт такой? Он снимает ее, несет в комнату, где спит сестра, кладет на другую кровать и садится между ними, замирая, ждет рассвета. И с первыми лучами солнца вдруг понимает, что вот и наступил тот самый золотой Век Семьи, о котором они с сестрой мечтали, когда никто друг от друга не уйдет, ведь, действительно, мать уже рядом с ними, на века, а сестра его одного не оставит.

Как видится, во всех трех случаях желаемое, искомое – Дружба, Любовь, Век Семьи – наступает, но только через смерть близкого. Да, я построил мир без зазоров, но в таком новом мире нет никакой надежды! Значит, я построил мир без зазоров и без надежды. Но как же ее, лучезарную, все-таки обрести? Вот в чем вопрос, который требует немедленного разрешения.

ТОСКА

В рассказе Кафки «Голодарь», в самом его финале, полумертвого героя, случайно обнаруженного в клетке среди соломы, спрашивают, почему он так стойко, упорно, хотя его искусство голодания давно вышло из моды, голодает. На что тот отвечает, мол, если бы я нашел на этой земле, чем себя насытить, я бы давно это сделал. Поразительный ответ! Что это для нас означает? Только одно, что нам

«голодным», надо искать искомое в других, неземных мирах. Иными словами, если автор не может обрести в изображаемом им земном мире любовь, дружбу, век семьи, отношения без зазоров, то, может, его герои смогут утолить его тоску в мирах своего воображения? Конечно, почему бы не предоставить им такое право, выстраивая рассказ в рассказе или поэму в поэме?

Тогда приведу следующий пример. Мой роман «Треугольная Земля»² (1996–1999), в котором разыгрывается жестокий, крамольный – невозможный! – любовный треугольник. Герой, молодой человек, встречает девушку, заводит с ней отношения, а после встречает ее мать, теряя голову, влюбляется в нее, и дочь, обнаружив такую подлую измену, исчезает. Какое-то время они ее ищут, не дай бог она что-то с собой сделала, и вдруг девушка Нина неожиданно возвращается, опять забирает себе возлюбленного, как игрушку, который уже не смеет ей что-то сказать, и грешная мать остается одна. Причем все по-прежнему живут в одном доме.

И вот посреди ночи Нора, думая о возлюбленном, идет к нему, – хотя он спит за стенкой в пяти метрах от нее, но женщина в своем воображении, в своей поэме, элегии идет, что важно, не по коридору, а по морям и полям к какому-то другому Саше, неизменно тоскуя по нему, который в том же теле, но с другим духовным и душевным содержанием. И здесь я не могу не привести цитату из собственного романа, пространный отрывок прозы, которым поистине горжусь, без всякой ложной скромности. Итак:

«Нора скорбно закрыла глаза и, определенно зная, что ей надо куда-то двигаться, тронулась дальше по коридору, оставляя свой ночной пост, у двери в спальню Саши, а Нина в объятиях Саши в тот же момент открыла глаза, потому что почувствовала ее, ненавистной, движение, и только она открыла глаза, как ветер подул, понесся по всему дому, и в окно вдруг влетел желтый платок, который когда-то на лесной поляне обронила Нина, на той самой поляне, по которой бежала она, так страстно желая, чтобы ее догнал Саша.

Платок же, желтый платок – тот? – теперь этот, полетел прямо по коридору и настиг Нору, залепил ей глаза, и Нора сразу же поняла, что это знак судьбы ее, и покрепче обвязала этим платком глаза, чтобы не видеть ничего окрест себя в этом обманчивом мире, она поняла, что наконец наступила для нее пора искать своего единственного возлюбленного.

О, Нора, неужели платок – это знак? Да, знак, и с каким бы сомнением меня об этом ни спрашивали, я знаю, это знак, знак от моего возлюбленного! И Нора двигалась по коридору, а на самом деле шла уже по заснеженной равнине, и давно, и всё: никакого платка, это для них платок, – всё она на самом деле видела, и огни, и низкое темное небо, и заснеженные равнины, и зловеще черневший впереди бастион... Она шла, и холодный ветер обжигал ей лицо, вот дошла наконец, и перед ней заскрипели тяжелые двери. «Стой! Кто идет? – вышел к ней постовой, в серой шинели и с ружьем за плечом. – Вы откуда, женщина?» «Я ищу своего возлюбленного! Может, вы знаете такого, Сашу? Мы потерялись с ним в одну из таких же беззвездных ночей. И я ищу его по всему свету, и я так, я так ищу его, как никто в это мире не может искать!» – сказала Нора и затихла с надеждой. «Вы не по адресу, женщина, – чуть теплея, ответил ей постовой. – Здесь одни заключенные. Ибо тюрьма. Вы зря здесь его ищите!» «Но, может быть, он среди них, быть может, провинился в чем-то?» – спросила она с той же надеждой. «Нет, не

² Из книги А. Кана «Треугольная Земля» (роман). Алматы: «Жибек Жолы», 2005.

уверен! – ответил ей конвоир. – Здесь заключенные – вы видите? – которые строят стены из камней...» И Нора, войдя с солдатом во двор, увидела действительно их тяжелый тюремный труд: фигуры в серых ватниках точили и носили камни и складывали их, и так росла стена. «А для чего стена? И, может, он тоже строит со всеми вместе эту стену?» – спросила тогда Нора, все еще не теряя надежды. «О, нет! – как-то смущенно улыбнулся ей постовой и, между прочим, начальник тюрьмы по совместительству. – Здесь заключенные... ну как бы вам это сказать? – которые любят только друг друга. Вы понимаете? Ведь ваш возлюбленный не может любить другого, если он любит вас, а вы его?» «Нет, конечно, не может!» – испуганно согласилась с ним Нора. «Так вот, – продолжал начальник тюрьмы, – для этого мы и строим стену, чтобы оградить себя и нашу тайную, запретную любовь от жестокого мира, чтобы никто больше не смеялся и не издевался над нами. И не смел разрушать нашу любовь! – уже с волнением говорил постовой, а на самом деле солдат любви. – Вы посмотрите, как самозабвенно они точат и носят камни! Так, что порой они сами в изнеможении превращаются в них! И сами становятся частью стены... Значит, для будущих любящих и любимых! Вы понимаете? Мы сами, как камни! – восклицал начальник тюрьмы. – И мы, камни, не виноваты в том, что только так, как камни, мы и умеем любить! Только так...» «Да-да! – заторопилась Нора, теперь понимая, что среди них никак не может быть ее возлюбленного. – Тогда я пойду. Извините! И никогда не буду мешать вашей драгоценной любви, смеяться над вами. Ведь над любовью нельзя смеяться!» «Да, нельзя! – грустно улыбнулся ей этот солдат любви и вдруг сказал: – Подождите! А можно я вас поцелую?» Он подошел к ней, прижал к себе и поцеловал ее в губы, сухо и нежно. И сказал: «Когда-то, давным-давно, я любил женщину, но мы с ней расстались. И... И... Ну ладно, идите!» – махнул ей постовой и с грустной улыбкой затворил за ней тяжелые скрипучие ворота.

Куда теперь, Нора? А?... Как куда? Вперед, к моему возлюбленному! Я знаю, где он может быть! И Нора снова двинулась по коридору с платком на глазах, а на самом деле шла – и уже давно – краем темного океана. Океана? Да, океана! Как быстро ты, Нора, до океана дошла! Это не я, это любовь моя, что быстрее звука и света, она шла уже берегом океана, и стояла серебристая осень, и океан был без солнца, опухший от туч, а на берегу стоял рыбак с неводом, весь сухой и сосредоточенный. «Здравствуй, рыбак, не встречал ли ты здесь моего возлюбленного?» «О! – застонал вдруг рыбак и присел. – Я не могу, женщина, видеть здесь чьих-то возлюбленных! Потому как я вылавливаю здесь только тела... чьих-то возлюбленных!» «Как... тела?» – испугалась Нора и прикрыла ладошкой рот. «Может быть, среди этих тел и есть тело вашего возлюбленного?» «О, нет-нет! – воскликнула Нора. – Никогда! Такого не может быть! Мой возлюбленный всегда жив для меня!» «Ну, тогда, – произнес рыбак, – я ничем не смогу вам помочь! Вон, видите? Кладбище. Я вылавливаю тела всех несчастных, утонувших от несчастной любви, а потом закапываю их на этом кладбище, потому как погибших от любви, – говорил рыбак, – надо хоронить не как мертвую рыбу!» «А много ли их у вас?» – осторожно спросила Нора. «На всю оставшуюся жизнь хватит! – устало улыбнулся рыбак. – А жизнь моя длиннее и глубже, чем этот невод!» «Тогда прощайте!» – грустно улыбнулась ему Нора и хотела было уже пойти, но рыбак молча остановил ее и прижал к себе, и поцеловал ее в губы своими солеными губами. «Когда-то я любил женщину», – сказал он и хотел что-то еще добавить, но, отводя глаза, отпустил Нору, и Нора двинулась

дальше, зная по-прежнему, куда ей идти, и глаза ее по-прежнему светились надеждой, она знала, что скоро увидит своего возлюбленного, хотя со стороны могло бы показаться, что она просто двигалась мелкими шажками по коридору, вдобавок с желтым платком на лице, который был послан ей ветром, а где он странствовал все это время, никто бы не смог ответить, ведь главное, что он вернулся в дом, и если уж не сразу к Нине, так к Норе, ее матери...

«Матери? Ха!» – усмехнулась горько Нина, лежавшая в объятиях Саши, и все следила, следила за тем, куда двигалась эта ненавистная ей женщина, следила и с нетерпением чего-то ждала».

ТЕЛЕЖКИ

«А Нора двигалась уже по пустыне, и было лето, и солнце пекло, и стояла жара нещадная, а впереди виднелся белый дворец, и стояло такое марево, что, казалось, это только мираж, но Нора двигалась неуклонно, заслоняя рукой глаза от песка, который вонзался ей в лицо, она знала, что там, впереди, она встретит своего возлюбленного. Когда она приблизилась ко дворцу, то увидела, что это был не мираж, прикоснулась к его белым, обжигавшим пальцы стенам и вошла в открытые ворота. «Где я?» – со вздохом спросила она и присела на белую скамейку, словно выросшую из-под земли специально для нее, и в тот же момент из дворца вышел старец, в белом весь и с белой бородой, может быть, следивший за ней все это время. «Здравствуйте, я привратник», – сказал хмуро старец и присел рядом с ней. И Нора уже хотела задать ему свой главный и единственный вопрос, как вдруг услышала в воздухе гул: гул... гул... гул... – угрожающе нарастающий гул: «Что это? Что это за гул?»

«О, это тележки!» – хитро улыбнулся ей старец. «Тележки?» – «Да, тележки, тележки для инвалидов. Ведь вы попали в санаторий для инвалидов!» «Я ищущего своего возлюбленного!» – предупредила его Нора, не желавшая ничего знать про тележки и инвалидов, втайне думая, что, может, Саша где-нибудь здесь, не инвалид, а здоровый, конечно, отдыхает после своих неустанных поисков ее в этом санатории. «Если ваш любимый – калека, то может и здесь!» – опять улыбнулся в усы хитрый старец. «Нет-нет-нет! – испуганно выкрикнула Нора. – Мой любимый здоров и статен, и хорош собой, и лицом он бел и румян, и, конечно, никаких у него увечий!» «Может и так, – с сомнением произнес старец, – все вы поначалу так говорите. Когда-то здесь действительно был санаторий для здоровых людей. И отдыхали в нем двое, мужчина и женщина, румяные и белые лицом, как вы говорите, и вот однажды они встретились, и с первого взгляда полюбили друг друга, и так, так они полюбили, что не захотели расставаться друг с другом никогда. А там, за пределами этих стен, в здоровом мире, их ждали родные, ведь у каждого из них была семья, а также всякие труды и обязанности, и тогда – вы знаете, что они сделали? – вдруг смутился старец, хотя, согласно его возрасту, смущаться ему было не к лицу, – они попросили за любые деньги лишить их ног! Представьте себе! И их, конечно, лишили!» «Господи! – застонала Нора. – Но зачем?» «А затем, – отвечал ей старец, – чтобы остаться здесь навсегда, потому как в том их здоровом сороконожьем мире такие, без ног, никому не нужны, да вы сами об этом прекрасно знаете, и действительно, когда их лишили того, о чем они с такой страстью просили, их семьи немедленно отказались от них. И эти двое влюблен-

ных остались в нашем санатории навсегда. И, между прочим, прожили долгую и счастливую жизнь... Но после, – улыбнулся белый старец, – все влюбленные мира стали ходить сюда, как в Мекку, все желали остаться здесь навсегда. Ну, мода, что ли, такая появилась? Кто вас, влюбленных, знает? И все – представьте себе! – просили о том же, и им, конечно, не отказывали, получая за это хорошие деньги. Но любовь-то проходит, а ног уже нет! – захохотал вдруг седовласый старец. – Вот и получилось, что наш санаторий заполнился одними калеками. Но все равно никто из них об этом после не жалел!» «Почему?» – спросила тут Нора. «А потому, – отвечал ей старик, – что любовь свою стали растрчивать на страсть или похоть... Вот вы ищите сейчас своего возлюбленного, а может, это похоть?» «Нет, – твердо сказала Нора, – и даже не страсть. Это любовь!» «Ну-ну! – усмехнулся старец. – Наш главный хирург тоже так говорил, когда влюбился и сделал, следуя моде времени, с собой и со своей любимой то же самое. А потом он понял, как ошибся, но было поздно, но все равно сейчас, полный страсти и похоти, не жалуется. Тем более я по знакомству, как бывший его подчиненный, выдал ему самую быструю тележку. Так, может, вы еще подумаете?» «О чем?» – испуганно спросила его Нора, а старец вдруг схватил ее за руку, казалось, уже для того, чтобы вести ее во дворец. Слугой страсти и похоти. «А как же... вы? Вы же здоровый! Без тележки!» – воскликнула испуганно Нора, пытаясь отнять свою руку у старца. «Я? – неожиданно растерялся старик. – Я контужен на Троянской войне... Понимаете? Чисто мужская контузия! А потом, надо же кому-то за порядком следить!.. И зачем вам искать своего возлюбленного? – опять взялся за свое противный старик. – Останетесь у нас. После операции выдадим вам тележку. Если попросите, подберу побыстрее... Хотя вам, дамам, согласно манерам куртуазным, положено помедленнее, а, впрочем, как хотите, все зависит от партнера. Будете жить – не тужить и забудете о своей любви, растрчивая ее на похоть. Или, если хотите, на страсть...»

«О, нет! Нет! Отпустите меня! – воскликнула Нора. – Что бы вы со мной ни сделали, я все равно дойду, докачусь, доползу до своего возлюбленного!» И так она это сказала, что старец, хоть и коварный, но почему-то расстроился и, видимо, поверил ей. «Ну и ладно, – вздохнул он, – дойдете так дойдете, докатитесь... А можно, – вдруг спросил робко он, – я вас поцелую?» И, не дожидаясь согласия, поцеловал ее горячо и неумело, а потом даже пустил скупую мужскую слезу, восклицая: «Паршивая Елена! Это она во всем виновата!» И пошел к себе во дворец, следить за своими калекami, жившими одной похотью, страстью, и, между прочим, вполне себе счастливо, а если чересчур хулиганили, старец сердился и наказывал их, отнимал у них тележки, расставлял их в коридоре попарно и по углам, а сам уходил к себе в служебку. А провинившиеся стояли – что делать? – и мучились, два бюста, так сказать, кричали и плакали, воздевая руки к потолку, умоляли старца вернуть им тележки. И старик через несколько часов их непрерывных просьб и гневных требований все-таки возвращал им персональный их транспорт и шел обратно к себе – проклинать свою Елену.

А Нора, перепуганная, выбежала из дворца и так, так бежала она, что споткнулась, и прямо лицом в песок, накаленный донельзя, обожгла и поцарапала себе лицо, но с колен не вставала, ибо молила это небо, эту землю и этот песок о встрече со своим возлюбленным, и когда поднялась, стояла уже чудесная весна. И вокруг цвели деревья, цветы, вишневый сад, и стоял такой аромат, такой запах, что Нора сразу же поняла, что это и есть то самое место, где она встретит наконец своего

любимого. Птицы пели в саду, и одна из них подлетела к Норе и села ей на плечо, человеческим влажным голосом вдруг пропела: «Готовься! И сделай пять шагов... Он здесь!» Нора послушно прошла пять шагов. По коридору. Птица пела: «А теперь снимите с глаз повязку!» «Какую повязку? – удивилась Нора, находясь среди деревьев, в вишневом саду, и вдыхая благоуханный запах. – У меня нет никакой повязки!» «Все равно снимите! – настойчиво повторила волшебная птица. – А иначе не увидишь своего возлюбленного!» Нора, прежде чем снять повязку, сделала шаг вперед, при ближайшей встрече со своим возлюбленным, и споткнулась, и, теряя равновесие, стала падать вниз, прямо в яму, оказалось, коварно прикрытую вишневыми ветками, – в западню... Ох! – застонала Нора и стала судорожно карабкаться наверх, но кто-то – о, кто?! – упорно стлал ее вниз. Но Нора, цепляясь, по-прежнему пыталась выбраться из этой ямы, из западни, а на самом деле падала, поднималась и опять падала на пол, потому как ее била руками-ногами Нина, дочь ее, и так мстила ей за Сашу, жестокая и коварная, давно поджидавшая ее в конце коридора, в темном углу».

Конец цитаты. Конец путешествия. Нора под ударами дочери возвращается в жестокую реальность. Но при этом какое чудесное путешествие она совершила, или успела совершить, просто пройдя по коридору! И как волшебным образом она утоляла свою духовную тоску! Но как бы прекрасно в воображаемых мирах ни было, пора возвращаться на землю. И вновь приглядеться к тому, что происходит там.

КРИКИ ИШОРЫ

А там происходит срам или храм. Иными словами, люди, неспособные состояться в личной жизни, остро чувствующие несоответствие между внутренним миром и внешним, идут в монастырь либо бросаются во все тяжкие. И то, как они бросаются, я лицезрел, работая проводником в поездах дальнего следования во время студенчества, и, будучи тогда еще молодым, неопытным, неиспорченным, непрестанно всему удивлялся. А именно: я стою на перроне, встречаю пассажиров, вот офицер провожает молодую очаровательную супругу, или наоборот, неважно, супруга провожает мужа капитана, последние наставления и обещания, поезд трогается, и те, кто сели, стремительно меняются: знакомятся с соседями по купе, выпивают, общаются, хохочут, выпивают еще, гуляют, увлекаются, и после непременно происходят измены, разврат, причем чем дольше ехать, тем больше его, разврата.

Я часто тогда думал, с присущей мне наивностью, почему люди, мужчины и женщины, так подло по отношению к своим половинкам поступают, на перроне обещают одно, а ведут себя противоположным образом, ведь проще всего назвать их развратниками, грешниками, б..., на этом закрыть тему, как поступают все обыватели. Но что это объясняет? Вероятно, думал тогда я, люди устают от монотонности, повседневности, от супружеских будней, если они так отчаянно отдаются всем и всему, что встречают в своих «спасительных» поездах. Ведь для этого, так получается, они туда и садятся. Уже много после, вспоминая свои поездки по необъятной Советской стране, а ездил я с Ярославского вокзала по самым дальним направлениям, на север, в Архангельск, Северодвинск, Воркуту, и на восток, в город Лену и Тынду, я описал свои впечатления от работы в поезде в романе «Голем Убывающей Луны»³ (2004). И вот очередная цитата:

³ Из книги А. Кана «Голем Убывающей Луны» (роман). Алматы: «Невидимый остров», 2013.

«В общем, слушай нашу проводницкую легенду, – начал рассказывать мне бригадир. – Жила-была такая удивительная женщина Дунайка с берегов Днепра. Гостила она у родственников в наших краях. И вот возвращалась домой. Села, значит, в наш поезд, поехала... И там, в купе, вдруг встретила мужчину, который ей с первого взгляда понравился. Полюбился... И всю дорогу она с него глаз не сводила. А он – с нее. И ехали с ними еще два пассажира. И потому не могли они открыто своих чувств проявлять. Ну, выйдут в коридор, постоят, поговорят о том о сем, повздыхают, и обратно. Как в тюрьму. И втайне, конечно, молили бога, чтобы те пассажиры вышли как можно раньше. И видно, бог услышал их молитвы... И вышли пассажиры, каждый на своей станции. И остались Дунайка с этим самым ненаглядным ее, наконец, вдвоем. И, конечно, тут же без слов бросились друг другу в объятия! И как только поперву утолили свою страсть, вышел возлюбленный ее из купе, пошел к проводнику, заплатил ему хорошие деньги, чтобы никого к ним больше не подсеял. И так они ехали вдвоем и любили друг друга без усталости. Дунайка оказалась такой буйной, ненасытной, и когда ее любовник уже ничего не мог, она все равно его распалила, кричала, чуть ли не на весь вагон: «Ишо раз! Ишо ра!» А проводники и пассажиры слушали и хохотали, с тех пор назвав ее Ишорой, приглашали всех любопытствующих из других вагонов к себе, как на представление. И так доехал поезд до конечной станции, где ждал Дунайку ее любящий муж с маленьким сыном. А Дунайка и думать забыла про семью, все сжимала в своих объятиях своего ненаглядного пассажира. Походил, потоптался ее муж на платформе, спрашивал у проводников про нее, те ничего ему не говорили, лишь сплевывали и цокали, а за спиной подсмеивались. Так и ушел бедный супруг с мальчиком ни с чем. И любовники – представь себе! – под патронажем проводников поехали по обороту обратно. Но мужик-то, любовничек, уже ласкать ее никак не мог, сил никаких не было, и однажды решил сбежать, а Дунайка, коварная женщина, почуяв неладное, схватила его в тот самый момент, когда он с вагона уже прыгивал, и обратно, как под конвоем, в купе повела. Ишо, в общем, ишо!.. И вот, алчная, ненасытная, своими «Ишо!» довела его до разрыва сердца. Прыгая на нем, сразу же не заметила, как испустил он дух, а когда обнаружила, так завизжала, что весь поезд содрогнулся, а после остановился, и все, кто мог, побежали стремглав в их вагон... В общем, на станции вызвали врачей, вынесли посиневшего любовника на носилках, а вслед за ним и Дунайку, которая, лежа на носилках, в горячке, все выкрикивала свой знаменитый клич. В общем, как ты понял, умом она тронулась. От страсти или, кому как, от любви».

Итак – повторяю свой наивный вопрос! – что же с нами со всеми делать? С нашими стонами и криками? Не всем же идти в монастырь? Или отдаться потоку жизни, как есть? А про себя опять же шептать-шептать-шептать, как было бы хорошо, просто прекрасно, если бы устройство нашей жизни однажды изменилось самым счастливым образом!

ВЕК СЕМЬИ

А теперь глава о тебе, дочь, Катя, непосредственно с твоим участием... В прошлом году ты приехала в Алма-Ату к нам погостить, и пока ты была, жила, занималась своими делами, я к тебе хорошенько пригляделся. И спустя время я понял, что ты впитала мое или наше (с бывшей женой) отношение к жизни наи-

более полным образом. Как то: человек – это воин, самурай, всегда один, ибо не на кого положиться, к сожалению, люди слабы, неверны, изменчивы, то есть даже не доверяй им, не будет надобности проверять, а после расстраиваться, в общем не теряй времени даром, трать его на себя, на собственное развитие и способности, ты и есть центр мира, источающий творческую энергию вовне! Потому ты вслед за нами полагалась только на себя, не особо верила подругам, которые действительно, зачастую пустые и лживые, оставляли желать лучшего. А о мужчинах парнях вообще говорить не приходилось: все как один, извините за низкий слог, понтыряшки, пустозвоны, халявщики, сплошные инфантилы.

И я, вина себя, задался вопросом: как она будет жить, когда мы из этого мира уйдем? С кем? Одна? Или все-таки встретит своего человека? Ведь у нас, прежде чем мы пришли к такой индивидуалистической философии, был обширный опыт советской соборности и, конечно, друзья, подруги, брак, даже семья, а у нее сразу и без прелюдий – сплошной опыт одиночества или уединения. Впрочем, как у всех молодых людей, насколько я замечал, ее поколения, живших наедине со своими, о, боже, гаджетами. И тогда я в который раз, каюсь и вина себя за не очень счастливую душу, которую породил и воспитал своим примером, решил написать роман о нашей бывшей семье – с нежной, трепетной и очень одинокой девушкой Катей в качестве главной героини.

Итак, что-то я вспомнил, придумал, добавил, углубил, конечно, преувеличил, и вот спустя полгода роман, полный моего покаяния, был написан. Так о чем же он конкретно?

Эта история под названием «Натюрморт с Ушедшими Близкими» (2016) начинается с пропажи сына и старшего брата Кати Антона. Который, наплевав на то «светлое будущее», которое предоставили ему его родители, бросил престижный институт и, будучи в семье в эмоциональном вакууме, пошел учиться и работать в актерскую студию. Где, вдобавок ко всем своим прегрешениям, влюбился в руководительницу, которая была старше него на двенадцать лет. Однажды их застает в одной постели муж актрисы, в прошлом участник чеченской войны, причем не в первый раз: раньше он предупреждал этого наглого мальчишку, но все, как видится, тщетно. В результате ветеран срывается и убивает Антона.

Все эти несчастья происходят на фоне повседневной жизни семьи Кати, в которой ее отец Борис успешно возглавляет кампанию по пиару богатых людей, а мать Римма столь же успешно работает в банке. Бабушка же, мать Бориса, представленная сама себе, по сути, никому из взрослых не нужная, общается только с призраками, точнее с призраком любимого отца, умея видеть потустороннее. Катя, молодая художница, однажды тоже обнаружит в себе подобные магические и мистические свойства, а именно, когда увидит своего брата на следующий день после его погребения. Так они с бабушкой и двумя призраками далее и общаются, устраивая чаепития с ушедшими близкими. Как ты здорово сказала, бабушка! – восклицает Катя. Я однажды нарисую ваш портрет, предупреждает она родных, живых и мертвых, точнее, натюрморт с ушедшими близкими! И так, в беседах, они проводят время, даже играют в разные игры, в прятки, например. Представляете, каково это – прятаться от призрака или, наоборот, искать его, на грани миров?

Но беда, как водится, не приходит одна. После смерти Антона Борис и Римма решают окончательно расстаться, у каждого из них давно своя личная жизнь, партнеры. Узнав об этом, бабушка идет на кладбище, к отцу, призрак которого давно ее

не посещал, жалуется ему на все происходящее, и тот, пожалев ее, забирает к себе. Или – в земной жизни с ней случается сердечный приступ. Катя в горе и шоке. Бабушка ее предала! Она остается совсем одна в этом холодном мире, встречается с подругой, молодым человеком, с которым у нее была связь, с прочими приятелями, в их компании даже напивается, желая броситься, по их советам, в бездну порока, но все тщетно. Ибо все кругом одни, живут душевно по одному, такое вот атомарное время наступило, и никто друг другу не в силах помочь.

И вдруг спустя время отец сообщает отчаявшейся Кате, что они с мамой решили сойтись, видно, не очень там на стороне получалось, а у них все-таки столько общего, одна их прекрасная дочь чего стоит. И вот назначается день примирения, конечно, в квартире бабушки, в которой живет сейчас Катя и где раньше так счастливо жила вся семья. К назначенному сроку девушка готовит пирог и компот, все по рецепту любимой бабушки, родители приходят, нарядные, улыбчивые, и поначалу берут неправильный торжественный тон. Потом, переходя на естественный, искренний, начинают вспоминать общее прошлое, увлекаются, легко пускаясь во взаимные обиды на то, что погиб Антон, что Борис так и не стал настоящим отцом для сына. Вот чего она, Римма, никак не может ему простить! И поэтому, в сердцах признается она ему дальше, я стала мстить тебе по-женски. Встречалась с одним твоим другом, потом с другим, и так далее... И так далее?! – свирепеет Борис. – Ах ты дрянь!!

И здесь – о, боже, все насмарку! – Борис в ярости бросается на Римму, начинает избивать ее, душить. Катя, чтобы остановить этот ужас, сталкивает со столика любимый семейный аквариум с золотыми рыбками. Грохот, осколки, вода, любимые рыбки, разлетаясь, разбиваются о стены. Ужас, беда... Перед тем как окончательно расстаться, родители, такие безумные несчастные родители, не умеющие друг друга любить, просят у Кати что-нибудь попить, в горле у обоих – от такой ненависти – пересохло. И Катя, зная, что больше никакой семьи у нее не будет, что отец и мать предали ее любовь и мечту, шепча, как заклинание: «Предавшие свою любовь не имеют права жить на этой земле!» – подсыпает им в бокалы с компотом яд, который она отобрала у рыдавшей любовницы брата на поминках.

А после, спустя время, видит их призраки, причем держащимися за руки, которые, как дети, с виноватым видом входят к ней в кухню. А следом приходят другие родные призраки: бабушка, брат Антон и прадедушка, словно все того и ждали. Таким образом, вся семья в сборе! Ура! Век Семьи, о котором она так мечтала, наконец наступил. И, конечно, печально, что именно таким образом, но в реальной жизни всех собрать за одним столом, причем в атмосфере взаимной любви и понимания, было просто невозможно! На этом конец моего романа, или, как писал Шекспир в «Отелло»: «Я плачу и казню, совсем как небо, которое карает, возлюбив».

ВЕЧЕР УТЕШЕНИЙ В МАНХЭТТЕНЕ

В 2014 году я полетел на литературную конференцию в Америку. После выступления в Беркли мы с Катей, которая тогда училась в Сан-Франциско, решили попутешествовать по стране. И, конечно, заехали в Нью-Йорк, где у меня было много знакомых. В Манхэттене мы встретились с Марией, моей доброй старой подругой, еще по студенчеству, с которой не виделись 25 лет. Объятия, слезы, поцелуи, после пошли в ресторан и там, за накрытым столом, конечно же, бросились

вспоминать общих друзей и знакомых, а Катя нас внимательно слушала. Спустя пару часов разговор шел по такой схеме: мы вспоминали ту или иную пару, которая со временем, естественно, разошлась. Зато, говорила Мария, оправдывая их развод, она во Франции, хорошо устроилась, или он в Германии, знаменитый ученый. А ты – опять же зато! – в Америке, вторил я ей, зная, что она давно рассталась с моим студенческим другом, то есть на каждый распад шло свое неоспоримое «зато».

Этим стоит утешаться, не правда ли? – неизменно с улыбкой добавлял я. Это откуда фраза? – наконец поинтересовалась Маша. Из «Фиесты» Хемингуэя, ответил я, там, если помнишь, герой любит женщину, но у них ничего не может быть, потому что после войны у него мужская травма, и она, любя его столь же сильно, в отчаянии гуляет то с тем, то с другим, то с третьим, в общем, с кем попало, а он мучается и все равно ее любит. В финале романа он забирает ее от очередного любовника, они едут в машине, и Брет, прижимаясь к нему, в очередной раз говорит: Ах, Джейк, как бы нам хорошо было вместе! – Этим стоит утешаться, не правда ли? – стоически отвечает герой.

– То есть ты хочешь сказать, – наконец поняла меня умная Мария, – что все наши «зато» ничего не стоят?

– Нет, конечно, чего-то они стоят, но меня всегда смущал тот факт, что в нашей жизни, в нашем мире нет ничего постоянного, абсолютного. Любовь, чувства, верность, наши клятвы, послылы – все пыль и тлен...

Наступила долгая пауза, а Катя грустно смотрела то на меня, то на нее.

– Нет! – вдруг экзальтированно воскликнула Маша. – Зато... зато у нас есть ты, который – я помню даже, как ты это сказал, наутро после очередной пьянки, когда мы все с шампанским приходили в себя, – что ты больше всего хотел бы сейчас уехать из этой безумной Москвы куда-нибудь в глушь и писать, писать, писать... Вот ты уехал и все пишешь, – торжественно заключила она и потом обратилась к Кате: – Видишь, какой у тебя папка! Обрел свое Абсолютное и ни разу ему не изменил!

– Обрел, «зато» не стал настоящим отцом для дочери! – тяжело вздыхая, сказал я. – Ладно, давайте сменим тему!

И мы стали говорить о настоящем, ее, моем, будущем и настоящем наших дочерей, а потом опять вспоминали, смеялись, грустили, даже плакали. В конце концов так напились, что после ресторана, в бесконечном озорстве и веселости, купив в ночном магазине пива и вина, поехали по приглашению Маши в какой-то небоскреб, с квартирой на 25-м этаже, у нее были ключи: то ли друзья уехали в отпуск, то ли просто пустовала. Приехали, поднялись, вошли в просторную студию в стиле хай-тек, похожую скорей на офис, и увидели такую чудесную ночную панораму Нью-Йорка и его окрестностей, что я даже протрезвел на какие-то мгновенья. Потом рассевшись прямо на полу, опять пили, вспоминали, клялись друг другу в любви, обнимались, целовались и так, в восхваленьях, одах, слезах, и заснули.

А утром я проснулся рано, Катя разбудила – она спешила на встречу с подругой, и мы договорились встретиться с ней в полдень у входа в Метрополитен-музей, возле Центрального парка: это место знает каждый, не потеряешься. Я ее проводил и после, попивая холодное пиво – голова так гудела после вчерашнего, – стал уже внимательно разглядывать город с высоты птичьего полета, пока Машка спала, узнавая в том или ином здании, постройке знаменитые памятники нью-йоркской архитектуры. Вон Бруклинский мост, шел я по периметру круговой стеклянной

стены, вон Эмпайр-стейт-билдинг, а вон вдалеке Статуя Свободы, а вон собственно Центральный парк, где мы должны были с Катей встретиться... Потом проснулась Маша, привела себя в порядок, выпила немного сухого вина, съела яблоко, прибралась, и мы пошли, ей надо было на работу после обеда. Спустились в бесшумном лифте и пошли по пустынным бесшумным улицам молча: вчера мы все друг другу сказали, над всем посмеялись, всех и вся оплакали.

Шли мы, слегка держась за руки, словно штормило, хотя действительно дул сильный ветер, да и поступь наша была нетверда после всего, что было. И вдруг, откуда ни возьмись, навстречу нам пошли люди с собаками: догами, овчарками, таксами, фокстерьерами, пуделями, – это выглядело как в кино, и, верно, они шли на какую-то кинологическую выставку, а может, действительно на съемки. Мы остановились, давая им пройти, и смотрели на людей и собак как-то заворуженно, словно это был для нас какой-то знак.

– Слушай, Маш, – вдруг сказал я, пытаюсь вспомнить свою давнюю мысль, – как мы на них похожи!

– В смысле, на кого? – удивленно взглянула она на меня.

– Ну вот... Сейчас ты меня ведешь, словно на поводке, словно я твоя собака...

– Понимаю. А ты меня, да? – хохотнула она.

– Да, мы ведем друг друга, хозяева и собаки одновременно, чтобы от утреннего головокружения не упасть.

– Ну тогда пошли дальше, пес-мой-любимый... хозяин-противный, а то сейчас упадем! – улыбнулась она, протягивая мне руку.

– Нет, подожди, я вспомнил! – воскликнул я. – Меня давно посещает одна странная мысль. Что мы после пятидесяти лет... водим свои же тела на поводке, как люди – собак. Ну, в смысле, я, моя духовная, разумная сущность ведет мое тело. А твоя – свое. И у всех точно так же.

– А раньше, значит, мы были просто телами, без... ошейников разума и поводков духа? – догадалась умная Мария, возвращая нас во вчерашний вечер. – Поэтому и совершали столько ошибок?

– Именно. Раньше мы были агрессивными алчными животными, а теперь становимся их высокодуховными хозяевами! – вдруг заключил я, растерянно улыбаясь.

– О, да! – тяжело вздохнула Маша. – Этим стоит утешаться, не правда ли?

И тут мы грохнули, захохотали, приседая на корточки, держась за животы, не могли остановиться никак, словно вот скоро расстанемся и больше не будем хохотать никогда, а сейчас пока можно, пока разрешается: хохочи всласть, про запас, на будущее! Хохотали так, что даже валились на асфальт, к удивлению редких прохожих, до слез, до колик, до тошноты, до сумасшествия, прежде чем разоидемся, вернемся в свои страны, города, будни, к своим близким, дальним, любимым или не очень и, конечно, к своим шепотам – *запомните, все судьбоносное произносится шепотом!* Хохотали так вдохновенно и так отчаянно, словно в последний раз.

14.11.16

